

Испытание

Автор:

Елена Богатырёва

Испытание

Елена Богатырёва

«Испытание» – вторая книга трилогии «Ловцы душ». В 60-е годы группа молодых людей, увлекающихся философией Николая Рериха, уехала на Алтай, стремясь достичь высокой духовности, просветления и просто сделать мир лучше. одному из героев удастся получить таинственный знак, дарующий почти безграничные возможности. Но мечты о добре обернулись страшным злом... За этим могущественным символом начинается охота других членов экспедиции. Их дети через 25 лет сталкиваются с последствиями этой поездки...

Испытание

Елена Богатырёва

© Елена Богатырёва, 2020

ISBN 978-5-4485-6268-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© Елена Богатырева

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Аннотация

В 60-е годы группа молодых людей, увлекающихся философией Николая Рериха, уехала на Алтай, стремясь достичь высокой духовности, просветления и просто сделать мир лучше.

Одному из героев удастся получить таинственный знак, дарующий почти безграничные возможности. Но мечты о добре обернулись страшным злом... За этим могущественным символом начинается охота других членов экспедиции (один из которых волею судьбы спустя годы становится политиком, а другой – наркоторговцем).

Их дети через двадцать пять лет сталкиваются с последствиями этой поездки...

...Полина устраивается на работу к известной писательнице. Но что за тайную жизнь ведет та? И почему ее так боготворят в странном клубе богатых вдов?..

Вся история составляет трилогию «Ловцы душ». Первый роман трилогии «Исповедь», второй – «Испытание» и третий – «Искушение».

Пролог

...Как только Данила сел в поезд, стало легче. Стук колес действовал лучше любого лекарства. Сердце ожило и забилось ритмично. Воздух преодолел, наконец, невидимую преграду и покатил в легкие по широкому руслу живительным потоком. Данила вздохнул полной грудью и тоска отступила. Впрочем, как всегда.

Странствия сделались его лекарством, действующим благотворно и безотказно.

Данила закинул рюкзак наверх, расстелил белье и блаженно вытянулся на верхней полке. Чувствовал он себя как новорожденный – кровь ускоряла свой бег, сладко пульсировал в теле избыток жизненных сил, и мир распахивался перед ним словно заново.

Странные приступы начались у него после алтайских приключений. Когда разъезды по стране и перипетии с устройством детей были позади и маленький детский дом зажил спокойной, размеренной жизнью, Данила заскучал.

Вожденный покой оказался самым тяжелым испытанием. Он целыми днями бродил по лесу. Шел как ветер, и трава стелилась перед ним, прижимаясь к земле. Он жадно ждал, что вот завтра проснется счастливым, как раньше, как обычно.

Но счастливое завтра не наступало: на смену скуке приходила тяжелая, душащая тоска. Теперь, справившись с делами по дому, которые требовали мужских рук, Данила сидел на скамейке под окном, глядя перед собой и ни о чем не думая. Сначала его это тревожило, но с каждым днем апатия сковывала ленью тело и движение мысли. Данила видел себя со стороны растением, тянущим соки земли только для того, чтобы зачарованно следовать смене часов дня и времен года.

Марта не сразу заметила в нем перемены. Дети заполнили не только дом, но и ее душу. Тревожное чувство овладело ею лишь тогда, когда к приступам хандры у Данилы добавилась еще и высокая температура, слабость и постоянная ноющая боль в сердце.

Через месяц состояние Данилы ухудшилось настолько, что он с трудом волочил ноги, передвигаясь по саду, а любая незначительная работа вызывала у него испарину и отдышку. Педиатр, посещавший детский дом раз в неделю, посоветовал ему лечь в больницу на обследование, и Марта горячо поддержала его.

Из больницы Данила вернулся, похожим на тень. Осунулся и ослабел еще больше. Врачи констатировали нарушение сердечной деятельности, но причины такого нарушения так и не отыскали. Он угасал как свеча. Ольга Ивановна,

всхлипывая, шептала Марте про рак, про скорую смерть.

И вот тогда, находясь почти на краю могилы, Данила услышал зов. Как будто слабый радиосигнал пробился к судну, из последних сил борющемуся с ураганом. Сигнал был неопределенный, его требования были не понятны. Но появилась надежда. На избавление – не от смерти, нет, – от тоски, которая была хуже смерти.

Ему страстно захотелось уйти. Покинуть дом, Марту, дочь, детей, мир, ставший простым, безопасным и привычным. Сначала Данила гнал прочь желание, имевшее привкус предательства. Но потом решил: не все ли равно, каким образом он покинет свой маленький привычный мир? Ему ведь в любом случае предстоит уйти. Не лучше ли исчезнуть сейчас, чтобы не причинять лишних страданий близким? Ведь даже кошки, умирая, уходят подальше от дома...

До Заветного Данила добирался пешком через лес. Вокруг стоял густой туман, тропинка то и дело уплывала из-под ног. Вскоре он окончательно сбился с пути, земля сделалась зыбкой, и туфли наполнились водой. Но натыкаясь на деревья, он продолжал идти куда-то в туман, как зачарованный. Потому что зов сделался отчетливее.

Он теперь явственно слышал какой-то неясный звук, похожий на мольбу и двигался в его направлении.

Посреди трясины на поляне он наткнулся на собаку. Лохматый куцый зверек, обреченно завывал, поднимая мордочку к небу, которого сквозь туман не было видно. Данила усмехнулся, – вот тебе и высший зов. Всего лишь заблудившаяся болонка. Он свистнул и пес, радостно восторженувшись, кинулся было к нему, но растянулся и шлепнулся в траву. Собака попала в силки. Данила перерезал веревку и протянул руку к зверьку, но вместо благодарности тот со всех ног, заливаясь радостным лаем, кинулся в туман.

Данила пожал плечами и повернул назад, пытаясь отыскать потерянную тропинку. Вставало солнце, туман рассеивался. Данила бодро шел по лесу и насвистывал. Давно он не чувствовал себя так хорошо. Голова, правда, слегка кружилась, и сердце еще покалывало, но уже гораздо реже...

На станции он купил пакет молока и присел на скамейку. Рядом устроилась молодая женщина с ребенком на руках. Выглядела она изможденной, полуторагодовалый малыш тихонько ныл и, похоже, она потеряла всякую надежду его успокоить. Данила помог женщине усадить мальчика и пообещал присмотреть за вещами, пока она сходит за билетами.

«Что, приятель, не выспался?» Тот повернул к нему голову и Данила заметил, что правое ухо малыша закрыто большим куском ваты и залеплено пластырем. «Вот оно что...» Данила потянулся погладить малыша по голове, но едва коснувшись светлой макушки, отдернул руку. Острая боль, словно раскаленная ига, прошла ладонь насквозь. Перед глазами поплыли зеленые пятна.

Когда он пришел в себя, малыш заглядывал ему в лицо с явным интересом. Он улыбнулся и что-то сказал на своем птичьем языке, дважды приложив палец к больному уху. Данила пожал плечами, малыш снова улыбнулся, пополз по скамейке к нему, и удобно расположившись на коленях, прижался к плечу.

Данила замер. Плечо, к которому ребенок прижался больным ухом, горело огнем. Под кожей бегала сотня острых иголок. А мальчик прижимался к нему все сильнее и сладко жмурился...

Вернувшаяся мать всплеснула руками: «Извините нас, три ночи не спим с этим ухом...» Она попыталась взять сына на руки, но тот поднял такой крик, что она невольно отступила.

В электричку на Ленинград сели вместе: Данила нес ребенка, женщина – сумки. Не веря своему счастью, она качала головой, глядя на успокоившегося малыша, мирно посапывающего на плече Данилы, а потом и ее сморил сон.

Данила больше не чувствовал боли. Иголочки по-прежнему танцевали под кожей, в том месте, где голова ребенка касалась его плеча, но теперь они походили на прикосновение ласковых солнечных лучей. Головокружение прошло, боль в сердце отступила. Данила чувствовал себя абсолютно здоровым.

Он ехал, погруженный в свои мысли, едва начиная понимать, что с ним происходит...

С тех пор много воды утекло. Но все повторялось. Он возвращался к Марте, исполненный сил. С утроенной энергией занимался с детьми и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. А через полгода снова садился в поезд и ехал в неизвестном направлении. Брал билет наугад, но каждый раз неизменно попадал туда, где ждали его помощи или участия.

Разные случались истории. Однажды в ожидании поезда, он решил перекусить на площади Восстания в маленьком кафе. К нему подсел коренастый старичок. Сосед по столику слепо тыкал вилкой в салат и почти ничего не ел. Взгляд его бессмысленно блуждал по залу.

Данила почувствовал знакомое покалывание иголок в правой ладони и спросил:

– Что, отец, неприятности?

– Нет, – ответил старик. – Кончились все мои неприятности. Все.

– Как это?

– Говорят, умираю. Рак у меня. В больницу не берут, поздно. Вот и гуляю по городу напоследок...

– А сами-то откуда?

Данила сразу уловил акцент и мог бы поклясться, что так говорят только выходцы из Архангельской области.

– С Плесецка я. Знаешь, где ракеты запускают. А в Ленинграде дети у меня, считай лет пятнадцать уж тут живу... Привык.

Данила прикрыл на мгновение глаза и увидел старика в окружении ровесников и с гармонью в руках. Он поймал взгляд старика, положил руку на его раскрытую ладонь и тихо сказал:

– Поезжайте домой.

Старик несколько мгновений растерянно хлопал ресницами, а потом забубнил:

– А ведь и правда. Помирать лучше на родине. Там у нас и кладбище получше. И родители мои лежат неподалеку. Чем тут-то, лучше уж я дома...

Данила шел по платформе и сам себе не мог объяснить, что же сейчас произошло. Но это была его пятая поездка, и он привык доверять внутреннему чувству, диктующему, что и как сделать или сказать.

Через два года в том же кафе на площади он снова повстречал старика. Тот ждал его. Как только Данила вошел, старик бросился ему навстречу. Под руки повел к столику, усадил, придвинул к нему свои пирожки и от избытка чувств долго не мог произнести ни слова. Только руками размахивал как в немом кино, борясь со слезами.

Наконец, выпалил:

– Живой я сынок, вишь...

И заплакал весело. А успокоившись или наплакавшись, рассказывал:

– Каждый год приезжаю к детям на месяц и жду тебя здесь. В закусную эту как на работу хожу, веришь? Я ж тебе жизнью обязан, а ты и не знаешь...

После встречи с Данилой старик собрал вещи. Всю дорогу в поезде виделось ему ухоженное сельское кладбище, где не дети, так хоть соседи навелят и в Родительское, и на светлую Пасху, а может и на Благовещенье заглянут. Могилки там прибранные, места много, не то, что на городских кладбищах – глядишь, ноги поджимать придется.

Приехал он в свой старый дом, – пылица, паутина, запустенье. Только метлу из полыни соорудил, прибирать начал, а тут к нему народ повалил. Сначала сосед заглянул, про Питерскую жизнь выпрашивал: что, да как, да почему. А как вышел на улицу, да разнеслась весть о его возвращении, повалили гости со всего села. На столе сама собой самогонка возникла, кто-то картошечки молодой принес, кто-то огурчиков соленых. Все на старика как на диковинку смотрят, столичных рассказов ждут. Шутка ли – пятнадцать лет не виделись.

Решил старик односельчан не огорчать известием о своей болезни и близкой кончине. Они к нему как на праздник пришли, вон Алексеевна, первая зазноба его юности, и прическу соорудила в парикмахерской, и платок новый на плечи наинула. Грех гостей печалить. И повел он рассказ о своих столичных приключениях. Говорил и самогонкой свой рассказ заправлял. Может оно и вредно для здоровья, только все равно помирать...

Неделя прошла, вторая заканчивалась, а в доме у него народу не убывало, даже напротив: молодежь набежала. Кто в Питере в институт поступать собрался, кто про каких артистов узнать – все к нему.

Старик, правда, вел в Ленинграде жизнь довольно скромную и даже чуть скучноватую, но фантазия его разгулялась не на шутку и понесло... А тут еще Алексеевна глаз не сводит, совсем себя мальчишкой почувствовал, разошелся, поэмы сочиняет.

По улице пройдет, из окон бабки его внучатам несмышленным показывают, пальцем тычут. В лавку зайдет – очередь расступается. В общем важнее него персоны на селе не было. Два месяца купался старик в человеческом внимании и уважении. А через два месяца пошел в сельскую больницу, сдал анализы и встал на пороге как истукан, получив результат.

Здоров.

Абсолютно здоров. Напрочь.

Вспоминая старика, Данила никогда не мог удержаться от улыбки. Неисповедимы пути Господни. Каждому человеку для счастья что-то свое нужно, особенное. Каждому – свое лекарство, свой путь: кому – плетка, кому – ласка, кому – правда, кому – сказка.

Вот и у Данилы он свой. Мотается по свету, помогает добрым людям. Только теперь он понимал, что судьба его была предreshена еще тогда, на Алтае. Вместе с магическим знаком, дарующим необыкновенные способности и силу, начертал он тогда и свою судьбу: быть там, где его ждут.

Когда в детском доме случился пожар, Данила жил под Новокузнецком, на пасеке. Поздно ночью его неожиданно скрутило в бараний рог. Он понял – беда: с Мартой или с кем-то из детей. Назад вернулся самолетом. Попал на пепелище и замер возле обугленных стен, прислушиваясь к своему сердцу.

Сердце билось на удивление спокойно. Значит, все живы и все здоровы. Разыскать Марту и детей оказалось непросто. Кто-то словно заметал их следы: никаких сведений, никаких зацепок. Тогда он стал искать по-другому. Каждый вечер в комнатухе, которую снимал в шумной коммуналке, клал перед собой лист с магическим знаком. Пространство ускользало, знак затягивал, голова кружилась, и перед глазами начинали танцевать цветные пятна. Пятна обретали форму, к ним присоединялись звуки, словно в тумане мелькали очертания улиц, домов, деревьев. На следующий день Данила выходил из дома и будто плыл по течению, которое несло его в нужном направлении. Он разыскал всех, но объявляться считал преждевременным...

В конце концов, охотились-то за ним. А значит, он стал опасен для детей. Лист с божественным знаком хранился в надежном месте. Будут искать у всех – и не найдут. Тогда он станет главной мишенью. А детям предстоят испытания. И выбор. Но здесь он им не помощник. В свое время он сделал все для того, чтобы они сумели противостоять любому злу, от кого бы оно не исходило, даже если и от собственного отца... Кроме физики и химии он научил детей многому

такому, чего не найдешь в учебниках. Каждый из них может постоять за себя. Каждому из них он дал частичку своего дара, но сделал так, чтобы они смогли получить его силу, только собравшись вместе. За все эти годы он ни разу не встречался с Андреем, хотя иногда натыкался на его еще совсем горячий след, который отдавал привкусом крови и денег. Они были связаны незримо: Алтаем, Мартой, детьми. Связь эта тяготила его, но разорвать ее было невозможно...

Пожар в детском доме выглядел как объявление войны. Цель ее была Даниле известна: он – или кусок бумаги с начертанным знаком. Поэтому он старался держаться от своих подальше.

Но Данила ошибся.

В один день Андрей нанес удар, уничтожив Галину, пытаясь расправиться с Мартой и Машей. Ошибкой было пытаться убедить себя в том, что Андрея не существует. Нужно было не упускать его из виду. Но что сделано, то сделано. Теперь остается только парализовать его. А значит – понять, где его слабое место. Данила часами просиживал над знаком, и каждый раз делозаканчивалось разочарованием. Знак указывал на Алтай. В прошлое? Или там осталась какая-то заноза? Он обращался к знаку снова и снова, но мелькали перед мысленным взором только знакомые горы, реки, поля, одинокий дом, обнесенный высоким забором.

В конце концов, Данила решил ехать, чтобы разобраться во всем на месте. Если действительно отыщется дом, являвшийся ему столько раз, значит разгадка где-то рядом. Что ж – ему не привыкать. Дорога столько раз приводила его туда, куда нужно...

Глава 1

Начало мая выдалось необыкновенно жарким. Вот уже неделю солнце несло в небе вахту в полном одиночестве: ни единого облачка. Недоверчивые горожане, продолжающие таскать на себе плащи и куртки, распаренные толпились на остановке. Полина стояла в сторонке, сжимая потными руками сумочку, и чувствовала себя преступницей. Только что, в маленькой аптеке

за углом ей продали две упаковки димедрола, который она безуспешно пыталась купить с самого утра. Везде требовали рецепт и смотрели подозрительно, а тут, в какой-то богом забытой маленькой аптечке пристроившейся рядом с продуктовым магазином взяли и продали. Теперь оставалось только найти укромное местечко, где ей никто не помешает.

Полина медленно брела вдоль высоковольтной линии по Северному проспекту, щурясь на запад, где разливался Муринский ручей. Место было хоть и открытое, но безлюдное. Она выбрала уголок на берегу, пристроившись к стволу березы, уставилась в темную воду, вздохнула. Грудь наполнилась весенним воздухом, настоящим на первой нежной зелени и сердце сжалось от тысячи безумных обещаний, которые безответственно раздает ранняя весна всем без разбору. Сердце предательски кувыркнулось и Полина погрязла в нерешительности, бесцельно щелкая замочком сумки.

Но как только память вернула ее во вчерашний день, где остались безответная любовь и поруганные мечты, щеки обожгло словно пощечиной, на глаза навернулись слезы, и она решительно вытащила из сумочки снотворное.

Полина принялась выдавливать мелкие таблетки из упаковки, две уронила, расстелила рядом носовой платок, высыпала туда горсть. Восемнадцать. Наверно этого должно хватить.

Она проглотила первую таблетку и сморщилась. Как же она не догадалась купить воды. Трудно представить, что можно осилить такую горечь, не запивая. Вторая таблетка стоила ей огромных усилий. Организм отчаянно сопротивлялся. О третьей таблетке без воды не могло быть и речи.

Поблизости не было ни ларька, ни магазина, возвращаться к остановке не хотелось. Она сегодня обошла полгорода и ноги гудели от усталости.

Неожиданно Полина усмехнулась: вот же она вода, прямо под ногами, в ручье. Такой водой наверно можно отравиться и без всяких таблеток... Она зачерпнула рукой воды и тут же выплеснула. Да, она собралась умереть, но что делать с брезгливостью? Относиться к себе как к покойнику уже сейчас она не могла. Смерть представлялась отдаленной, прекрасной и чистой.

Полина закрыла глаза: как она устала от собственной беспомощности! Даже выпить горсть таблеток – для нее проблема. Это невозможно, это пора прекратить... Она пересыпала таблетки в ладонь, растеряв часть, сунула в рот и, наклонившись к ручью, судорожными движениями стала подносить воду ко рту...

Сделав последний глоток, Полина замерла. Она никогда раньше даже не прикасалась к снотворному, а потому фантазия подсказывала ей, что от такой дозы забытие должно наступить сразу же. Однако, она ничего, кроме жжения горечи в горле не чувствовала.

Из зарослей травы с громким криком выплыла утка, за ней другая и третья. Новорожденные листья тихо шелестели над ее головой, и почему-то вспомнилось: она стоит на поляне, а напротив – маленький круглый кореец. Он делает сложный прыжок и жестом приглашает ее повторить движение... Полина разводит руками, а Данила говорит: «Давай, у тебя получится!»

Полина тряхнула головой. Что же это? Вроде бы она еще не уснула, а сны ей снятся... Поляна ужасно знакомая, неподалеку от детского дома была точно такая же. Но никакого корейца она не помнит. И уж тем более – этих странных уроков. Но почему-то голос Данилы слышался так явственно...

Ресницы отяжелели. Полина закрыла глаза. Вжжжх... Яростный звук прорезал воздух. Она видела себя словно со стороны. Но это была не она, не настоящая неуклюжая Полина, бьющая чашки пять раз в неделю, другая. Эта другая парила в воздухе, выделявая сложные, почти акробатические па, резала воздух сильными руками и точно приземлялась на узкую бамбуковую циновку, которая казалась ужасно знакомой...

Полина открыла глаза. Из сиреневой мути проступали черты лица. Кто-то нагнулся к ней так низко, что она чувствовала на щеке теплое дыхание. Молодая женщина была похожа на ангела и от нее веяло нежностью. Губы ее шевелились, но Полина не сразу поняла, что женщина говорит и что слова ее обращены к ней.

– Послушай меня, – быстро шептала та. – Что бы с тобой не случилось, ничего им не рассказывай. Скажи, что случайно приняла не то лекарство. Слышишь? Случай-но!

– Какое лекарство? – Полина с трудом расклеила губы.

– У мамы взяла, перепутала.

– У меня нет мамы...

– Ах... Но...

Из-за спины показалось другое лицо – совсем не такое симпатичное и приветливое.

– Очнулась, артистка!

Вторая женщина пощелкала в воздухе пальцами.

– Соображение-то вернулась или как?

Молодая женщина закусила губу.

– Слышишь меня или еще не очухалась?! Зачем таблеток наглоталась, а?! Тут и без тебя работы хватало... Быстро отвечай!

В этот момент Полина поняла, что первая женщина была вовсе не ангелом, что смерть не пришла за ней и не избавила от всех проблем, а бесцеремонная и грубая допросчица скорее всего – врач. Это было выше ее сил и она расплакалась.

– Я не хочу жить, – пролепетала Полина, утирая слезы, и отвернулась к стене.

– Нет, – донесся до нее слабый вздох той, что была похожа на ангела и стояла теперь в стороне. – Я же предупреждала...

Через сутки, окончательно придя в себя, Полина, наконец, поняла, что за странный совет давала ей молодая женщина. Поняла и оценила ее доброту.

Вместе с ней, привезли еще одну молоденькую девушку, которая по всем признакам, тоже пыталась отравиться, но та, едва придя в себя, заголосила просительно: «Ой, тетеньки добрые, я случайно, я больше не буду, отпустите меня!» Полина побледнела от негодования. Что за люди, в любую минуту готовы отказаться, пойти на попятный...

Каково же было ее удивление, когда девушку на следующий день после промывания желудка, выписали, тогда как Полину предписано было перевести в другую больницу.

Она ехала в машине скорой помощи с печатью трагической отрешенности на лице. Пусть эти люди пытаются вернуть ее в свой круг сколь угодно, ее решение умереть твердо и обжалованию не подлежит. В конце концов, они будут вынуждены выпустить ее, и тогда она снова займется исполнением своего плана. Но на этот раз, конечно, будет действовать умнее. Гораздо умнее.

Она успела прочесть табличку «Городская психоневрологическая больница» и презрительно усмехнувшись, пожала плечами. В небольшом кабинете ее встретила седая утомленная женщина и, задав несколько беглых вопросов о состоянии ее здоровья, подняла, наконец, на нее глаза от своих записей.

– Значит, отравиться хотела?

Полина демонстративно отвернулась. – Может быть, расскажешь, что случилось? – спросила женщина равнодушно.

Полина посмотрела ей в глаза и произнесла со всей твердостью, на какую была способна:

– Вы ничем не сможете мне п-п-помочь.

Голос предательски дрогнул на последнем слове, и девушка сразу же пожалела о том, что раскрыла рот. Ей никогда не удавалось выразить свою мысль настолько однозначно и твердо, чтобы ее правильно поняли и оставили в покое. Это хорошо получалось у Ларисы. Но любимой подруги вот уже три с половиной года нет в живых...

Вот кто мог бы ее понять и помочь ей. Лара обязательно подсказала бы какой-нибудь выход. Но мир несправедлив и поэтому Лары больше нет, Марты нет, и Полина вынуждена влачить свои дни, оставшись на свете одна одинешенька.

Полина всхлипнула, слезы градом покатались из глаз.

– Раскаиваешься? – поинтересовалась женщина все тем же казенно-равнодушным тоном.

– Я не хочу жить в вашем мире! – вскрикнула Полина. – Вы же не люди! Вы бесчувственные, вы!.. вы!..

И она разрыдалась навзрыд. Женщина нажала кнопку и за спиной у Полины возникла румяная веселая великанша.

– Пойдем милая, – пробасила она. – Пойдем, болезная.

Вздрагнув, Полина обернулась. Великанша улыбалась ей во весь рот.

Ей выдали отвратительный серый халат и стоптанные тапочки из кожзаменителя. Заставили выпить пару таблеток и сделали укол, после которого мысли с высокого перескочили на земное и сосредоточились на собственном организме: голова трещала, желудок одолевали болезненные спазмы, а к горлу подкатывала тошнота. Этот день Полина провела, скорчившись на кровати, застеленной серым влажным бельем.

Следующий день принес ей массу сюрпризов. Состояние ее улучшилось настолько, что она смогла оглядеться и рассмотреть, наконец, своих соседей по палате. Одна из женщин, совсем седая, стояла возле своей кровати и смотрела в окно. На лице ее было написано жестокое страдание. Вторая лежала, укрывшись с головой одеялом, и бормотала что-то себе под нос. Третья,

совсем молоденькая, сидела на стуле, качая ногой, и разглядывала Полину с радостной улыбкой. «Нужно бы с ней познакомиться» – не успела подумать Полина, как девушка встала и направилась к ней. Полина попыталась улыбнуться, девушка нагнулась, сняла тапочек и, размахнувшись, ударила Полину по голове. Полина вскрикнула, девушка радостно засмеялась и стукнула ее еще раз. От негодования Полина потеряла дар речи, и плохо соображая, что делает, кинулась на девушку с кулаками.

Их разняли не скоро. Обе они к тому времени были изрядно исцарапаны и помяты. Полину трясло, а девушка хохотала во все горло. Снова появилась розовощекая великанша со шприцем, и Полина провалилась в густой фиолетовый сон.

Очнулась она от того, что великанша пыталась оторвать ее от кровати. Полина смотрела на нее с негодованием. И почему эти люди никак не оставят ее в покое?

– Завтрак, – радостно улыбнулась великанша. – А потом – на работу.

В алюминиевых мисках, из которых хороший хозяин собаку кормить не станет, стыла каша-размазня неизвестного происхождения. Полина не смогла заставить себя съесть ни ложки. Пощипала кусочек хлеба и этим ограничилась.

Затем ее и двух соседок, кроме той, которая все время что-то бормотала под одеялом, провели в большую комнату и усадили складывать картонные коробки. За час Полина с трудом справилась с первой коробкой. Вздохнула и покосилась на остальных. Все работали так же медленно и вяло, за исключением ее давешней обидчицы, возле которой уже лежало три готовых коробки. Девушка заметила, что Полина смотрит на нее, и показала ей язык.

– Пошевеливаемся – раздался над головой Полины зычный голос великанши.

Все звали великаншу Поповной, что происходило не от ее имени-отчества, – их никто не помнил, а от ее фамилии – Попова. На лице у нее была написана вечная радость, а блаженная улыбка не сходила с детских пухлых губ. Даже когда в соседней палате умерла пожилая женщина, уголки губ великанши были приподняты вверх, хотя на лице была написана полная растерянность.

На исходе второй недели, Полина проснулась среди ночи от приглушенных рыданий. Сначала она злорадно решила, что это завывает ее обидчица: рыдали взхлеб и на высокой ноте. Но оказалось, что плач доносится со стороны маленькой комнатки, где спала Поповна.

Полина потихоньку поднялась, накинула халат и заглянула в комнатку великанши. У той горела тусклая настольная лампа, а сама она сидела на кровати в ситцевой ночной рубашке с бумажными кружевами и огромными кулаками растирала по лицу слезы, катящиеся из глаз.

– Что с вами? – в замешательстве спросила Полина, подсаживаясь к ней.

Поповна посмотрела на нее с тоской, обняла за плечи и снова зашлась в рыданиях.

– Вам плохо? – пытаюсь вырваться из богатырских объятий, спросила Полина. – Может врача позвать?

– Нет, – всхлипнув, пробормотала та. – Мне хорошо.

– Так что же вы плачете?

– От счастья. Случается же у людей такое счастье, такое...

«Она тоже сумасшедшая, – решила Полина. – И не мудрено: всю жизнь проработать в таком месте...»

– У каких людей? – пробормотала она, пожав плечами.

– Да вот, – ткнула Поповна пальцем в истертую книжечку карманного формата, лежавшую под лампой. – У Эдвина и Насти.

Полина взяла книжечку в руки. Это был один из ныне модных женских романов российской Барбары Картленд – Виктории Королевой «Бегство из обители печали». Полина усмехнулась. Она не была поклонницей подобного рода литературы.

- Ты читала? – спросила великанша, наливая себе воды.

- Нет.

Поповна поперхнулась от такого ответа, и плакать в миг перестала.

- А я-то думала... Ты ж вроде нормальная, не как все.

- Я нормальная, – обиженно сказа Полина.

- Ну, тогда – почитай. Только мне через два дня ее возвращать нужно.

«Нет уж, спасибо», – язвительный ответ уже вертелся у нее на языке, как вдруг она перевернула книжку и увидела того самого ангела, который явился ей в день возвращения из небытия.

- Кто это? – спросила она.

- Автор.

Полина расчувствовалась. Это ведь та самая женщина, что пыталась спасти ее от психушки, от этой... обители печали, где она теперь оказалась. Стоило только последовать ее совету, и Полину бы на следующий день отпустили домой. В крайнем случае, сделали бы дополнительное промывание желудка. А теперь ей предстоит провести здесь как минимум месяц, так сказала врач.

- Я очень хочу почитать, – Полина прижала книгу к груди.

Дальнейшее ее пребывание в больнице было сплошь заполнено Викторией Королевой. Полина подружилась с Поповной и та таскала ей книги, каждую из которых Полина глотала за ночь, с ужасом думая о том, что скоро она перечитает все написанное, и нужно будет долго ждать выхода в свет нового

романа. Когда Полина заканчивала читать последний пятнадцатый роман Королевой, ее пригласила к себе на собеседование врач.

– Ну, как? Все еще хочешь свести счеты с жизнью? – спросила она, не поднимая головы от записей, которые быстро делала в журнале.

– Ни за что, – отчеканила Полина. – Я хочу жить.

Врач пристально посмотрела на нее.

– Правда? Что же изменилось за это время?

– Все изменилось, – Полина не находила нужных слов. – Я изменилась. Я теперь другая.

Женщина слегка нахмурилась.

– Нет, вы не поймите меня превратно. Я теперь верю в жизнь, я знаю, что обязательно встречу настоящую любовь, ради которой не нужно умирать, ради которой нужно жить.

– Все ясно. Книжки у Поповны брала?

– Откуда вы... – вырвалось у Полины.

– Не ты первая мне Королеву цитируешь.

Женщина задумчиво посмотрела на Полину:

– Удивительные книжки. Действуют лучше любых таблеток. Почитать что ли...

– Обязательно почитайте, – горячо посоветовала Полина.

Когда Полину выписали, она долго жала Поповне руку. – Если купишь новую книжечку, уж принеси мне почитать – попросила та.

– Обязательно.

– А знаешь, – сказала Поповна, – я слышала, что эта Королева в жизни очень несчастная.

– Не может быть! – воскликнула Полина.

– А какие книжки пишет, – вздохнула Поповна.

Полина вышла из больницы переполненная любовью к людям, в ожидании счастья и чуда. Первым делом она сходила в книжный магазин и купила книжку Королевой «Бегство из обители печали». Там же она приобрела большой плакат-календарь, с которого смотрело на нее ангельское лицо самой Виктории. Свое возвращение к жизни Полина связывала именно с ней.

Интересно, как ей удалось угадать Полинину судьбу? Перипетии романа полностью совпадали с мытарствами Полины, вплоть до попытки самоубийства и психиатрической клиники. Правда вот дальше... Полина сладко жмурилась. Если только представить, что ее судьба и дальше окажется точно такой же, как у героини, жить стоит!

Полина твердо решила дождаться той самой большой любви, которая озарила жизнь героини Насти, но для этого ей предстояло многое сделать...

Целый год она жила на средства своего друга, который снимал для них квартиру, покупал продукты и все необходимое. Теперь же, после разрыва с ним, Полина повисла в воздухе: ни денег, ни работы, ни жилья. Первым делом она сняла маленькую квартирку на окраине, отдав за нее практически все деньги, которые у нее оставались. Теперь предстояло найти работу...

Глава 2

Фирма «Помощница» была третьим местом, куда направили Полину из агентства по трудоустройству. Она явилась за направлением рано утром, едва только открыли для посетителей двери. Получив адрес «Помощницы» и в придачу неодобрительный взгляд секретарши, Полина недовольно передернула плечами и вышла.

Отношения с агентством не складывались с самого начала. Встретили ее там довольно приветливо, обещали подыскать место в течение недели, но как только она заполнила договор и внесла плату, о ней словно позабыли. Полина терпеливо ждала новостей первые три недели, в конце которых ее рацион сократился до одной пачки китайской лапши быстрого приготовления. Еще три недели она пыталась извлечь пользу из ежедневных напоминаний о себе по телефону, но ей коротко отвечали, что нет ничего подходящего, чем довели до полного отчаяния. Иначе она бы не устроила им скандала. Вернее – не попыталась бы это сделать. Скандал не получился. Ее пригласила в отдельный кабинет строгая женщина, и отчитала за «неуместные эмоциональные всплески».

– Как вы думаете, – спросила она, – много ли вакансий наберется в городе, даже пусть в таком большом как Санкт-Петербург, для двадцатилетней девушки, окончившей два курса педагогического вуза и ничегошеньки не умеющей делать?

Крыть было не чем, но Полина и не думала отступать, потому что отступать ей было некуда: через два дня квартирная хозяйка обещала выставить ее.

– Я способная, – возразила она. – Я могу быстро всему научиться.

– Дорогая моя, – перегнулась к ней через стол женщина, – может быть это и так, но у работодателей нет никакого желания учить вас чему-то, когда есть готовые кадры. Вы бы сначала закончили какие-нибудь курсы: бухгалтеров, дизайнерски, секретарские, а потом бы приходили...

– Но неужели...

Разговор был бессмысленным, и женщина поняла это быстрее Полины. Она молча вытащила из стола визитку и протянула девушке.

– Вот, можете попробовать. В эту фирму полностью набирают штат. У них вакансии от генерального директора до уборщицы.

Полина спрятала карточку в сумку и гордо покинула кабинет. Она чувствовала, что одержала сегодня маленькую победу над этим миром. Визитная карточка была трофеем, доставшимся ей в поединке с агентством. Это вселяло надежду, что она хоть чего-то может добиться.

Однако, радость ее была недолгой. В фирме, куда она явилась на следующий день тщательно причесанная и продуманно одетая, менеджер по персоналу потерял к ней всякий интерес, как только узнал, что у нее нет опыта работы. В остальное время горячего монолога Полины о своих способностях «все ловить на лету», он рассеянно смотрел по сторонам, автоматически поворачиваясь то вправо, то влево на крутящемся стуле. В конце концов, он перебил ее и сказал без всякого сожаления, что их фирме она совсем не подходит, а потому продолжать этот разговор он считает нецелесообразным.

Возвращаясь по длинному коридору, Полина с горечью поглядывала на молодых людей и девушек, чуть старше нее, великолепно одетых, улыбающихся, бегущих из кабинета в кабинет с бумагами. Она не знала, чем они занимаются, но их жизнь казалась ей раем, а сама она чувствовала себя падшим ангелом, убирающимся восвояси под их неодобрительными взглядами.

Затем была еще одна бесплодная попытка стать «помощником директора». Как только Полина увидела в обшарпанном кабинете мужчину с масляными глазками, в которых при ее появлении зажегся нездоровый огонек, она сбежала до того, как он успел закончить приветствие.

И вот теперь Полина ехала в фирму «Помощница» понимая, что это, возможно, ее последний шанс. Если хозяйка попросит завтра освободить квартиру, это будет справедливо, потому что Полина задолжала ей за два месяца.

В вестибюле фирмы из большого рекламного плаката Полина узнала, что «Помощница» – это фирма, предлагающая услуги горничных, нянь, домработниц и садовников. Решимости у нее прибавилось. По крайней мере, няней со своими двумя неполными курсами педагогического она поработать смогла бы. Сразу вспомнились конспекты по психологии и общей педагогике, но, к сожалению, не пришло на ум какой-нибудь конкретной мысли или расхожей цитаты, которыми можно было бы блеснуть в разговоре. В кабинет начальника отдела кадров Полина вошла без стука, с вымученной улыбкой:

– Здравствуйте, я из агентства «Поиск».

– Присядьте, – махнул рукой пожилой мужчина, – сейчас освобожусь.

Он вертел в руках бумаги, хмурился, а стоящая у него за спиной женщина тараторила:

– Просто ума не приложу, что им нужно. Это уже шестая. Причем, мы посылали только самых лучших наших работниц!

– Да, – вздохнул мужчина. – Впервые имеем дело со знаменитостью и – на тебе. А какая реклама для нас могла бы быть! Никогда бы не подумал, что такая милая женщина может оказаться столь привередливой.

– Она здесь ни при чем. У нее мамочка – монстр! Она-то и выбирает...

– Хорошо. Зайди ко мне через часик. Постараюсь что-нибудь придумать. Эти клиенты нужны нам позарез!

Оставшись наедине с Полиной, мужчина словно увидел ее в первый раз.

– Вы... – протянул он неопределенно.

– Из агентства «Поиск», – подсказала Полина.

– Ах, как неудобно получилось! Совсем забыл позвонить им. К сожалению, мы вчера вечером взяли сотрудницу. Штат укомплектован. Так что...

Полина стояла как вкопанная и смотрела в пол. Там, переливаясь всеми цветами радуги, лежали теперь осколочки ее надежд. Она не успела опомниться, так быстро все произошло, и теперь чувствовала, что если хотя бы пошевелится, то разрыдается прямо здесь.

– Вам нехорошо? – поднялся начальник отдела кадров, положив свои бумаги на край стола. – Может – воды?

Чтобы выиграть время, Полина кивнула. Мужчина протянул ей стакан. Она выпила воду залпом, глубоко вздохнула, поставила стакан на стол, и тут взгляд ее упал на фотографию, которая лежала поверх стопки бумаг.

– Виктория Королева, – выдохнула она, – в жизни она еще красивее.

Директор насторожился:

– Вы случайно с ней не знакомы?

– Немного, – улыбнулась Полина, как зачарованная глядя на фотографию.

Виктория вот уже несколько месяцев была ее личной святой покровительницей и заступницей. По вечерам Полина молилась на ее портрет как на икону, рассказывала о своих горестях и просила о помощи. И сейчас Полина замерла в ожидании чуда: неспроста здесь ее святая, она обязательно поможет.

– Она однажды спасла меня...

– Вот, значит как... Знаете ли, – директор внимательно разглядывал Полину, – Королева – это клиент, о котором мечтает любая фирма. Ей нужна домработница. Если завтра разнесется слух, что она наняла домработницу именно у нас, за моей дверью выстроится такая очередь, что нам придется ввести запись. Но, к сожалению, она уже отвергла несколько лучших наших кандидатур. Как вы думаете...

– Она возьмет меня, – уверенно сказала Полина. – Обязательно.

Правда, пока она добралась до дома Королевой, уверенности у нее поубавилось. С чего это она решила, что ее непременно возьмут? Кто она такая? Полина всегда была мнительной, а тут совсем страхи одолели. А что, если в больнице она видела совсем не Королеву? Что, если ей только почудилось?

Перед подъездом Полина и вовсе оробела. Нажала кнопку звонка, и дверь ей открыл консьерж – по виду крепкий военный пенсионер.

– К кому? – спросил он, неодобрительно покосившись на ее старенькие туфли.

– К Королевой.

– По записи? – поинтересовался консьерж.

– Что?

– Как фамилия?

– Колыванова.

Мужчина полистал журнал и сразу сменил тон.

– Есть такая. Я-то думал, очередная поклонница пытается пробиться за автографом.

– А что, – осмелев, поинтересовалась Полина, – многие приходят?

– Нет пока. Но ведь Королевы здесь только полгода живут. Уже третью квартиру меняют, спасаясь от поклонниц.

Полина направилась к лифту.

В дверь она позвонить не успела. На пороге ее уже поджидала женщина средних лет – высокая, поджарая и недобрая. Точь-в-точь – злая волшебница из сказки. Только она была не из тех волшебниц, которые таяли, если их окатить ведром воды. Такие как она были непобедимы.

– Здравствуйте, – начала Полина, – я...

Женщина жестом прервала ее и пригласила войти. Заперев за Полиной дверь, она включила свет в коридоре, который по площади немного превосходил квартиру Полины.

– Я из «Помощницы», – закончила свою речь Полина.

Женщина не произнесла ни звука. Она разглядывала Полину, как лошадь или породистого щенка, которых хотела бы купить, да опасается, нет ли у них какого изъяна.

– Где вы живете? – спросила она.

– У метро «Проспект Ветеранов».

– Нет, – сразу же отрезала женщина, – это исключено. С «Ветеранов» сюда добираться часа полтора. Станете опаздывать.

И она шагнула к двери, давая понять, что разговор окончен.

– Я снимаю квартиру, – затараторила Полина. – И переехать мне ничего не стоит.

– Иногородняя? – брови женщины поползли вверх. – Я же просила не присылать...

– Нет, нет, не иногородняя, – испуганно вставила Полина.

– Так почему не живете с родителями? Характер показываете?

– У меня нет родителей. Я выросла в детском доме.

Женщина задумалась. Полина была счастлива уже и тем, что она не торопилась поскорее ее выпроводить. В этот момент входная дверь распахнулась и вошла молодая женщина.

- Ты?! - воскликнула она, увидев Полину.

Полина оторопела. Женщину она видела впервые. Ярко рыжие волосы. Хотя вот лицо... Она очень походила на Королеву, но та была блондинкой...

Тем временем молодая женщина подошла к зеркалу и сняла парик.

- А так ты меня узнаешь?

- О, господи, - пролепетала Полина, - конечно узнаю.

- Виктория! Разве вы знакомы, - нахмурилась женщина. - Ее только что прислали из «Помощницы».

- Конечно, знакомы. Помнишь тогда, в больнице? Мы ведь вместе с тобой были... Как тебя зовут?

- Полина.

- Нам с дочерью нужно поговорить, - сказала, наконец, женщина. - Подождите здесь.

В своем кабинете Виктория с улыбкой смотрела на мать. И та невольно медлила с разговором. Давно не видела дочь улыбающейся.

- Вижу, тебе понравилась эта девушка.

- По сравнению с теми, что приходили... Всегда лучше пригреть бездомного щенка, чем змею на груди.

- Ты права. Я думаю, она нам подойдет. Да и в клубе ее можно использовать...

Женщины со значением переглянулись.

- К тому же она - сирота, - осторожно заметила мать.

- Вот и хорошо! - заключила Виктория. - Пойдем, обрадуем девочку...

Глава 3

Вика родилась в семье известного советского прозаика, Члена союза писателей и даже некоторое время - председателя этого союза, Андрея Рубахина. В семидесятые годы Рубахин был в фаворе, его печатали самые известные литературные журналы, по его произведениям снимали фильмы. Он даже в школьную программу попал. Злые языки утверждали, что Рубахин делает карьеру благодаря своим связям, но в отсутствии таланта даже они не могли его упрекнуть.

Где бы Андрей не появлялся, следом тащились две тени. Слава клубилась позади ароматным облаком, отчего дамы приходили в восторг, а мужчин неудержимо тянуло выпить. Вторая тень, второе облако, жадно впитывало зависть, светящуюся в глазах друзей и коллег, переливаясь грязным перламутром.

Талант Андрея был особенный: писал он непросто легко, не ведая ни мук творчества, ни, хотя бы, кратковременной несостоятельности своего пера. Более того, творил как бы между прочим, занимаясь в то же самое время сотней других дел, в том числе не только административных, в союзе писателей, но и вполне светских - появляясь везде, куда звали и не звали.

Казалось, судьба наградила Андрея изрядно, можно было бы поставить на этом точку и оставить хоть что-то другим смертным. Но в день его рождения фортуна явно переусердствовала, потому как помимо таланта наградила его еще и королевской внешностью. Метр девяносто и косая сажень в плечах, шевелюра, напоминающая львиную гриву, безмятежные голубые глаза, орлиный нос и улыбка безгрешного младенца. Тиражи его фотографий порой даже обгонял тиражи книг.

Разумеется, такая счастливая судьба плодила вокруг Рубахина не только завистников, но и почитателей, среди которых женщины составляли если не самую многочисленную, то наверняка самую активную и преданную часть.

Если поклонники-мужчины мечтали с Рубахиным выпить, то женщины в своих мечтах были смелее и не по-советски раскованнее. Письма с пугающими признаниями и недвусмысленными предложениями приходили на адрес издательства толстыми пачками, изымались заботливой женой Диной, внимательно изучались и уничтожались в дачном камине, никогда не попадая на глаза адресату.

Дина была вне конкуренции. Рубахин долго искал женщину, равную ему по всем статьям, пока не встретил Дину. Двадцатипятилетняя красавица – дочь профессора филологии, воспитанная в лучших традициях составила с Рубахиным гармоничную пару. Обладая абсолютной грамотностью и преданностью делу мужа, она самоотверженно и совершенно безвозмездно правила его рукописи до того, как они попадали в редакторский цех Лениздата и составила мужу славу писателя безгрешного в отношении орфографии и стилистики.

Дина была умна по-мужски и совсем не обладала женским чутьем. Умея поддержать любой разговор из области философии, политики и литературы, она беспомощно опускала руки, когда муж смотрел вслед другой женщине. Она была также по-мужски честна и прямолинейна, не имея даже отдаленного понятия ни о кокетстве, ни о каких других женских хитростях. Постель была для нее неприятной принудительной обязанностью, которую она заставляла себя выполнять раз в неделю, и ничто не могло убедить ее том, что подобное занятие не является архаизмом.

Андрей же, в отличие от жены, любил жизнь во всех ее проявлениях, в том числе любил ее проявления в женских ласках, особенно когда те были разнообразны и неутомимы. Его не называли бабником или донжуаном, потому что он никогда не домогался женской любви, а лишь брал то, что ему настойчиво предлагали, то есть – причитающееся по праву громкой славы.

Несмотря на сотни связей Андрея, Дина была единственной, кто ни о чем не догадывался. Она была занята работой, дочерью Викой и этого ей вполне хватало, чтобы заполнить все свое время и жизненное пространство.

Андрей же, хотя почти никогда не отказывался от плотских соблазнов, самих искусительниц ценил невысоко, принимая их страсть как любую другую услугу, которые ему оказывал обслуживающий персонал. Он ставил на одну доску шофера, который возил его по городу, швейцаров, распахивающих перед ним двери иностранных отелей и женщин, побывавших в его постели. Все они для того и существовали, чтобы делать жизнь Андрея Рубахина более приятной.

В начале восьмидесятых, разменяв пятый десяток, Андрей практически перестал писать и едва успевал посещать многочисленные банкеты, куда каждый мечтал залучить звезду. Большинство таких мероприятий сопровождалось обильными возлияниями, после чего Андрея привозили домой в виде безжизненного тела.

Брезгливая Дина превратила свой кабинет, который ей теперь был абсолютно не нужен, в спальню и перенесла туда свою кровать. Переживая ранний климакс, она мучилась приливами, страдала от головных болей и частой смены настроения, окончательно поставив точку в интимных отношениях с мужем.

Перестройку Рубахин встретил со значительно поредевшей шевелюрой, одутловатым, землистого цвета, лицом и лишними тридцатью килограммами, осевшими как-то по-бабьи на бедрах и животе. Бурная река тиражей его книг превращалась в тоненький ручеек, который неминуемо должен был пересохнуть под ярким солнцем новых экономических отношений, потому что народ как-то уж слишком быстро перестал интересоваться судьбой аграриев и сталеваров.

Несмотря на то, что материально Андрей прочно стоял на ногах, залогом чему был небольшой, но вполне приличный банковский счет, предусмотрительно открытый им во время поездки по дальнему зарубежью, душевное спокойствие покинуло его раз и навсегда. По телевизору мелькали незнакомые лица, на прилавках появлялись новые книги с неизвестными фамилиями, жизнь неслась кувырком вперед, сметая старых кумиров как пыль.

Его больше не узнавали на улице, почти никуда не приглашали, об издании книг даже говорить не приходилось. Слава, в лучах которой он купался долгие годы, растаяла как дым. Это было равносильно смерти.

Дина же продолжала держаться с обычным достоинством, изменявшим ей лишь изредка по вечерам, когда она пыталась внушить мужу, что пить в одиночестве дома да еще в присутствии дочери – это и есть то самое дно, которого он так

отчаянно боится. Дина не изменилась ни на йоту, даже очереди за мылом не смогли переменить ее обычных манер. И у Андрея возникло подозрение, что жена никогда всерьез и не принимала его известности, а потому теперь так спокойно воспринимает все происходящее с ним.

По ночам Андрей, терзаемый каким-то особенно мучительным страхом, одиноко ворочался в постели и прикладывался время от времени к бутылке коньяку, поселившись в секретере, на том самом месте, где он раньше хранил рукописи незавершенных романов. Днем он мотался по городу с грандиозными планами написать современнейший роман о том, что творится в стране. Но его нигде не принимали всерьез. В моду входили разоблачения, а его имя слишком тесно было связано с рухнувшим режимом.

Бессонные ночи, алкоголь и неостребованность привели к нервным срывам. В голове Андрея началась странная путаница, временами наплывал туман, он плохо соображал в такие минуты. Пытался сидеть за столом, стучать на машинке. Но похмелье, страх и обида на весь мир – плохие помощники в ремесле. В корзине прибавлялось смятых бумаг, в душе копилась желчь...

И вот именно тогда появилась Ирочка.

Ирочка была дочерью друга и ровесницей Виктории. Ее принимали в семье как родную, особенно после смерти отца – большого партийного босса. Дина корректно обходила стороной разговоры о смерти отца и того же требовала от послушной Виктории. Незаметно совала девочке деньги и талоны на колбасу.

Ирочка брала деньги, сдержанно благодарила и тихо ненавидела Дину за ее помощь. Отец Ирочки – крупный советский функционер – скончался от инфаркта, когда его пригласили в прокуратуру и предъявили объемистый том обвинений, из которых следовало что он казнокрад и распутник. Он умер прямо на ступеньках прокуратуры, грузно рухнув лицом в бетон. Ирочка с матерью сдали казенную квартиру и переехали в грязную коммуналку. За два года перестройки они, непривычные к нищете, продали практически все мало-мальски ценные вещи и даже песцовую шубу матери заложили в ломбард. Так что девочке, привыкшей к определенному уровню жизни, терять было нечего, когда на очередные поминки к ним в гости заглянул Рубахин.

Старательно занимая Андрея разговорами, она дождалась, пока гости разошлись, чуть ли не насильно вытолкала мать на улицу, под дождь и легко затащила Андрея в постель. После короткого вялого соития он тут же уснул, а Ирочка накинула халат и полночи просидела за столом, глядя в окно. Залучить Рубахина на ночь, насколько она помнила из разговоров родителей, было делом несложным. Но вот удержать... Да и не нужен ей старый любовник. Ей нужен законный муж со всеми вытекающими правами на имущество.

Утром она приготовила ему кофе с ликером, жаркое признание в любви, напирая на особенную любовь к его бессмертным творениям, и ушат брани, предназначавшийся завистникам, пытающимся лишить его заслуженной славы.

Все сказанное, помноженное на юный напор и персиковую кожу девушки, Рубахин принял как откровение. Это утро убедило его, что на свете существует справедливость, а также единственный человек, являющийся носителем этой справедливости.

Ирочка, не отличаясь большим умом, случайно попала в самую точку. Их страхи были похожи: больше всего на свете Ирочка боялась безвестного прозябания в нищете и первых морщин. Рубахин же – подступающей старости и забвения. Ничто не связывает людей прочнее, чем общие страхи. С головой у Андрея к тому времени стало совсем плохо: мысли все чаще путались, волнами накрывали приступы подозрительности. Один лишь страх не изменял ему, был кристально ясным и возрастал с каждым днем. В персиковой девочке он увидел свое спасение и от старости, и от забвения. Молодая жена сделает его молодым и сохранит память о нем на долгие годы, до тех самых пор, пока неблагодарные потомки не разберутся, что к чему и не восстановят справедливость.

Развод едва не убил Дину.

Он собственно и был обыкновенным убийством, отличающимся от прочих лишь своей узаконенностью. Нож, входящий в сердце, прекращает жизнь человека, обрывая его связь с прошлым и будущим. Для Дины развод был таким же ножом, с той лишь разницей, что душа ее не отлетела в мир иной, и сознание

оставалось ясным, вынуждено созерцая, как, корчась в муках, медленно умирает память и закрывается тяжелая дверь в завтрашний день. Прожитая жизнь откладывается в памяти как колония кораллов: большой белый остров, причудливой формы. В этом острове все: любовь и быт, слезы и смех, покорность и бунт. Через двадцать лет остров уже так огромен, что напоминает материк своими размерами и прочностью. Кому из его обитателей придет в голову мысль о землетрясении?..

После первого же визита к Ирочке, Андрей все решил. Он спрыгнул с кораллового острова на проходящий мимо корабль. Он брезгливо оглянулся. Место, где он провел лучшие годы своей жизни, показалось ему отвратительным. Мозг, отравленный алкоголем, помноженный на воображение беллетриста, изобретал для Дины мучительную пытку. Андрею мало было покинуть остров, ему необходимо было уничтожить его.

Поэтому он, как ни в чем не бывало, вернулся домой. И вскоре стал собираться в служебную командировку в Свердловск, объяснив жене, что местное издательство собирается выпустить сборник его ранних рассказов. Ничего не заподозрив, Дина привычно упаковала чемодан мужа, аккуратно сложив белые сорочки, пару костюмов, галстуки и несколько комплектов белья. Андрей забрал все деньги, остававшиеся в доме, заверив, что через пять дней получит большие командировочные и вернет сторицей. Дина радовалась, что Андрея снова будут печатать, а потому все странности поведения мужа в этот день списывала на его счастливое волнение. Но она была сдержанным человеком и, ни словом, ни улыбкой не выдала своей радости. Уже в дверях Андрей остановился, поставил чемодан на пол, взял лицо жены ладонями и уставился ей в глаза мутным взглядом. Жест этот был настолько непривычным и неприятным, что Дина по инерции отшатнулась, но Андрей держал ее крепко: щеки смялись, рот вытянулся трубочкой.

«Ты хоть немножко рада, что моя слава возвращается?» – спросил он хрипло.

Дина, приложив некоторое усилие, отстранила, наконец, его руки от своего лица и спокойно произнесла:

«Разумеется».

Андрей подхватил чемодан и, не оглядываясь, вышел.

«Сука, – пробормотал он, когда дверь за ним закрылась. – Холодная, бесчувственная сука!»

Он позвонил ей через неделю и сказал, что задерживается. И победоносно заметил в конце двухминутного разговора:

«Скоро уже. Дня через два. Жди!»

Дина положила трубку и пожала плечами. Последний раз голос Андрея звучал так победно, когда тираж его нового романа перевалил за пять миллионов. Неужели и сейчас такое возможно?

Вечером того же дня Дина получила повестку, где ей предписывалось явиться в суд. Она долго гадала, зачем могла бы понадобиться органам правосудия и, решила, что вызывают ее свидетельницей по делу кого-нибудь из знакомых. Ведь вызвал же ее следователь по делу Ирочкиного отца. Правда это был не суд, но кто знает, какие у них там правила. Как бы там ни было, она не станет никого чернить, как и в случае с Ирочкиным отцом. На большую часть вопросов она отвечала: «не знаю», «не имею представления», «не слышала», «не помню».

На ступеньках здания суда Дина столкнулась с Ирочкой. Девочка уже месяц не показывалась у них дома, и, расцеловавшись с ней, Дина попеняла ей за то, что она совсем забросила Вику, у которой кроме нее и подруг-то нет.

«Я понимаю, – поднимаясь по ступенькам и обнимая Иру за талию, говорила Дина, – Вика – совсем не интересный собеседник и подруга, конечно, скучноватая. Но, пожалей ты ее, позвони как-нибудь на досуге».

Перед дверью в зал суда, Ирочка отстранилась от Дины, широко улыбнулась ей и сказала:

«Вот такой вы мне нравитесь. Оставайтесь такой и дальше».

Взгляд ее стал незнакомым и безжалостным, Ирочка добавила:

«Если сможете...»

Дина увидела Андрея, как только вошла в зал и сердце ее сжалось. «С ним что-то случилось, – в панике подумала она. – Неужели счет, открытый в зарубежном банке? Говорила же я...»

Она не сразу поняла, о ком идет речь, когда судья заговорил о разводе. Некоторое время она еще считала, что попала сюда ошибкой. Все происходило как в дурном сне: Ирочка сидела впереди гордо выпрямив спину, Андрей, щурясь, поглядывал на нее, а судья говорил о разводе и разделе имущества.

«Прекратите, – хотелось крикнуть Дине. – Немедленно прекратите этот спектакль!»

«Я ничего не понимаю, – сказала она судье, когда он обратился к ней с вопросом».

«Что же здесь понимать? – удивился судья. – Я говорю о доле имущества, причитающейся вам с дочерью. Насколько я понимаю, вы никогда нигде не работали, так значит...»

Напряжение возросло настолько, что Дина боялась потерять сознание или утратить контроль над собой и разрыдаться при этих посторонних и враждебных людях. После врачи зафиксируют у нее микро инсульт, но сейчас, испытывая лишь острое недомогание и не понимая его причины, Дина, не произнося ни звука, кивала головой, и, не глядя, подписывала бумаги.

Когда все кончилось, Ирочка взяла Андрея под руку и оба они, не оглянувшись на Дину, покинули зал заседаний. Только теперь Дина вдруг поняла, что же здесь делала подруга ее дочери. Вместе с прозрением к горлу подкатывала

нестерпимая тошнота.

Дина не успела встать, ее вырвало на красный ковер...

Наверно она потеряла сознание. Потому что, когда пришла в себя, над ней стояла пожилая медсестра и совала под нос нашатырь. Для нее вызвали такси, ей помогли спуститься к машине. Она плохо соображала и с трудом передвигала ноги.

Дверь ей открыла Виктория. Глаза у нее были сухими и мертвыми. По дому расхаживали незнакомые люди, составляя опись имущества. Дина прислонилась к стене и сползла на пол. Она не помнила, как Виктория дотащила ее до кровати волоком. Людям с казенными глазами не пришло в голову помочь ей...

Через месяц Дина вышла из больницы высохшая и безжизненная. В черных глазах горела одна только ненависть. Вика привезла мать в квартиру ее родителей. Дина обвела глазами стены с выцветшими обоями.

«Я оставила им все, – глухо сказала Виктория. – Забрала только одежду».

Мать внимательно посмотрела на дочь и подумала:

«Я бы поступила также...»

Она обняла Вику и обе, наконец, заплакали...

Прошло около года, прежде чем их судьба резко переменилась.

Дина устроилась работать корректором в маленькое издательство, Виктория со своим неполным филологическим образованием помогала ей как могла. Развод, лишивший ее в одночасье мужа, здоровья, памяти, денег и надежд, сильно сказался на ее характере. Куда делось холодное благородство, с которым она шла по жизни и которого не отняли у нее даже бесконечные перестроечные очереди. Теперь Дина цеплялась за жизнь с остервенением безнадежно больного. С помощью интриг в издательстве она выбивала себе работы больше остальных, сражаясь за каждую тысячу знаков, приносящую хотя бы несколько лишних рублей. Она стала подозрительной и хитрой. Мечты о мести бродили в ее душе, но, сознавая собственную немощность, она загоняла их глубоко внутрь, тем самым лишь ускоряя и усиливая брожение...

Однажды Дина заболела и вернулась с работы днем. Выпила аспирин, но все никак не могла прилечь и бесцельно шаталась по квартире. И тут ей на глаза попался дневник Вики. Дочь вела дневник класса с шестого, никогда его не прятала, но Дине ни разу и в голову не приходило взять его в руки. А тут словно дьявол какой толкал в спину и шептал: «Прочти! Проверь, на чьей она стороне. А вдруг она тайно встречается с отцом?»

Последняя мысль привела Дину в такое негодование, что она, плохо соображая что делает, схватила тетрадку, и, отбросив все соображения нравственности, стала жадно читать.

Когда Виктория вернулась домой, мать встретила ее с распухшим от слез лицом и счастливой улыбкой. «Прости меня, Вика, – лепетала она, задыхаясь от радости, – прости, но я прочитала».

Это был захватывающий, терзающий душу рассказ обо всем, что им пришлось пережить. Вика писала о ней с такой проникновенной теплотой и преданностью, что Дина напрочь позабыла о своей болезни, перелистывая страницы. Она листала их осторожно еще и потому, что каждая – она понимала – была на вес золота.

Больше всего ее потрясло то, что Виктория, увлекшись повествованием, забывала порой ставить даты. В конце Дина с удивлением обнаружила, что повествование, миновав настоящее, уносит ее в будущее. Вика сочинила для матери счастливый конец.

«Зачем ты это придумала?» – спрашивала ее потом Дина.

«А как иначе я могла пережить то, что с нами происходило?» – грустно улыбалась Виктория.

Что может быть слаще мести для брошенной женщины? И что – счастливее того момента, когда она сжимает в руках орудие этой мести? Дина больше не расставалась с дневником Виктории. День и ночь она стучала на пишущей машинке, набирая текст, написанный Викой, делая вставки, переставляя куски. Через две недели она стояла на пороге одного из новых крупных издательств, пришедших на смену старым академическим и активно завоевывающим рынок.

Два наглых мальчишки, чуть старше Виктории, дерзнувшие назвать себя издателями, бесцеремонно разглядывали ее. Дина положила на стол пухлую папку, но молодые люди не проявили к ней никакого интереса.

– О чем? – кисло спросил тот, что постарше.

«Что им сказать? О жизни, о любви, о предательстве». Дина усмехнулась:

– Слышали когда-нибудь об Андрее Рубахине?

– Слышали, – отозвался другой. – Даже в школе проходили. Но если это, – он ткнул в папку мизинцем, – в том же духе, не тратьте время. Как говорится, не кочегары мы, не плотники...

Дина усмехнулась:

– А о личной жизни его слышаны?

– Да вся страна слышана, столько об этом писали... Громкий грязный скандал.

– Так вот перед вами – роман, в основе которого и лежит этот громкий и грязный скандал. Более того. Написан он дочерью Рубахина.

Глаза молодого человека загорелись, а второй тем временем уже открыл папку:

– Весьма любопытно, зайдите завтра...

Назавтра ей предложили подписать договор, на редакцию которого ушло почти столько же времени, сколько и на редакцию романа дочери. Основным камнем преткновения стало главное требование Дины: Виктория никогда не будет издаваться под фамилией отца. Псевдоним они могут придумать сами, но фамилия Рубахина – даже мелкими буквами, даже в скобках, даже в аннотации – промелькнуть не должна.

Через три месяца на прилавках магазинов появился первый роман тогда никому еще не известной Виктории Королевой «Убийственная любовь», а в центральной газете вышла статья, которую потом перепечатали и перепели все провинциальные издания, повествующая об очередной Золушке. О том, как отец – известный писатель прокоммунистического толка – бросил и предал свою семью, оставив жену и дочь в глубокой депрессии и без всякой помощи, и о том, как она вырвалась из глубин этой депрессии благодаря своему блестящему роману. Вывод был прост и ясен: время отцов прошло, на смену ему приходит новое поколение.

Дина постаралась придать статье скандальный привкус, и уже через месяц первый тираж романа Вики был распродан. Более того, поклонницы Виктории, среди которых были весьма высокопоставленные дамы и журналистки, словно сговорившись, предали Рубахина анафеме, и уже к концу года его имя на газетных полосах стали упоминать исключительно в тех случаях, когда речь шла о худших мужских качествах.

...За год Виктория написала еще пять романов. Не было такого журнала, который не считал бы своим долгом писать о ней регулярно. Центральное

телевидение баловало ее приглашениями в лучшие программы. А Дина блаженствовала, редактируя рукописи дочери и руководя ремонтом в новой квартире.

К огромному сожалению Дины, Андрей не смог ощутить всей силы ее мести. Незадолго до выхода первого романа Вики у него случился инсульт, после которого в голове у него окончательно помутилось. Общие знакомые рассказывали, что выглядит он ужасно, словно дряхлый старик, выражение лица – совершенно бессмысленное, запах от него исходит невыносимый. И, скорее всего, долго он не протянет. Услышав об этом Дина задумалась... Полновластно распоряжаясь гонорарами дочери, она стала готовиться к похоронам...

Глава 4

От Королевой Полина вышла другим человеком. Она гордо несла голову и отвечала снисходительной улыбкой на удивленные взгляды прохожих. Да, она спускается в метро вместе со всеми, но не имеет больше никакого отношения к толпе, живущей обыденной жизнью. Она вхожа в дом самой Королевой, а значит, относится к узкому кругу избранных судьбы. Пройдет совсем немного времени, сладко вздыхала Полина, и они с Викторией станут самыми неразлучными подругами. Еще один вздох – и фантазия вволю заработала крыльями, унесла ее на несколько месяцев вперед, закружила...

Полине привиделось, как Виктория, нет, разумеется, тогда уже просто – Вика, знакомит ее с потрясающими молодыми людьми, какие непременно ведь должны окружать Королеву, иначе с кого она пишет молодых красавцев, наделенных умом, силой духа и внутренним благородством? Полина скромно опускает глаза, а молодые люди многозначительно переглядываются, а кто-то восторженно шепчет: «Какая девушка...»

Полина засмеялась от счастья и тут же наткнулась на неодобрительный взгляд мужчины в строгом пиджаке, проходящего мимо. Конечно, в этой их толпе смеяться не принято, и уж где ему понять... Полина посмотрела вслед пиджаку с сожалением. Что видят эти люди, бегая вот так вприпрыжку со своими портфельчиками, пусть даже из самой что ни на есть натуральной

телячьей кожи, на работу, просиживая восемь часов в каком-нибудь евро-стерильном офисе, возвращаясь домой, и покупая по дороге сосиски? Что они знают о высшей магии жизни? Разве им ведомо то, что скоро приоткроется ей?

Именно ей, Полине, предстоит стать наперсницей известной писательницы, которой она, естественно, будет поверять свои тайны и душевные порывы. И, конечно же, сладко щекотала мысль, что, состарившись, она вполне могла бы описать в мемуарах эту необыкновенную дружбу...

Полина витала в облаках. Ведь кто знал, что сегодняшний день станет переломным в ее судьбе? Кто мог представить, что выйдя из дома с последней надеждой, она вернется счастливой обладательницей главного приза? Нужно непременно как-то отметить, чтобы запомнилось... Шампанское, конфеты и может быть – фиалки? Только вот, деньги...

Спустившись с небес на землю и вспомнив о своем плачевном материальном положении, Полина чуть не заплакала. Как это унижительно в такой день думать о мелочах! Не успела она расстроиться, как в голову ей пришла блестящая мысль и через час она уже стояла перед директором фирмы «Помощница» победоносно улыбаясь.

– Это фантастика! – уже в третий раз повторял директор, потирая руки. – Невероятная удача! Расскажите-ка мне еще раз как все было. Нет, постойте, я позову нашего кадровика... Пусть послушает.

– Я бы хотела получить небольшой аванс, – заявила Полина.

– Аванс? Ах, да. То есть я хотел сказать – конечно. Разумеется. Послезавтра – вас устроит?

Полина прикусила губу. Если бы ее жизнь не сделала сегодня крутой поворот, она бы непременно промолчала, довольствуясь этим «послезавтра». Но сегодня она избрана. А избранные, по ее твердому убеждению, могли позволить себе и поспорить. – Очень жаль. Тогда я, пожалуй, не смогу завтра приступить к работе, как обещала.

И повернулась, чтобы уйти.

– Одну минуточку, – вскричал директор строго, но стоило Полине обернуться и вскинуть бровки, тут же взял другой тон. – Подождите. Сколько бы вы хотели получить вперед, – спросил он, доставая портмоне и морщась, словно от зубной боли. – Тысяча вас устроит?

Еще по дороге в фирму Полина подсчитала, что на коробку конфет, шампанское и фиалки ей хватило бы сотни. И решила попросить рублей триста – нужно ведь еще купить единый проездной. Но о тысяче даже не мечтала...

Кажется, где-то прорвало рог изобилия, и он теперь щедро орошал Полину всевозможными дарами.

Из «Помощницы» она вышла состоятельной дамой. Мысли об избранничестве покинули ее, а их место заняли тревожные размышления о том, как много в городе карманников. Купюру Полина крепко зажала пальцами в кармане и старательно обходила стороной мужчин и женщин, казавшихся ей подозрительными. В вагоне метро Полина дважды чуть не упала, но руку из кармана так и не вытащила.

Выбравшись из метро на проспекте Ветеранов, Полина позволила себе немного расслабиться и принялась методично обходить ларьки, разглядывая конфеты и напитки. Наконец ей показалось, что она отыскала то, что хотела и, достав купюру, она нагнулась к окошечку ларька. Но в ту же секунду кто-то крепко взял ее за локоть.

Полина обернулась. Перед ней стояла женщина средних лет с пластиковой папкой.

– Здравствуйте, – сказала женщина и поправила очки, ожидая ответа.

– Здравствуйте, – удивленно протянула Полина.

– Я представляю институт научно-социологических исследований. Мы просим вас ответить на несколько вопросов. Вы собираетесь принять участие в переписи населения?

– Да...

Женщина тараторила так быстро, что Полина едва успевала уловить смысл сказанного.

- Вы законопослушный гражданин?

- Да, - снова кивнула Полина, не особенно понимая о чем речь. - Наверно - да.

- Вы любите детей?

- Да...

- Вы дали три положительных ответа, а значит получаете карточку нашего института. Вот.

Женщина сунула в ладошку Полины пластиковую карточку.

- Карточка означает, что вы приняли участие в социологическом опросе. Кстати! Там внизу номер, потому что одновременно вы участвуете в розыгрыше главного приза нашего института. Сотрите здесь.

Полина послушно стерла фольгу, под которой оказался вовсе не номер, а маленький автомобиль.

- Прекрасно, - сказала женщина, заглядывая ей через плечо, - вы выиграли машину. Жигули. Одиннадцатая модель. Сейчас оформим.

Она раскрыла папку и вопросительно посмотрела на Полину.

- Как ваша фамилия?

Все произошло так быстро, что Полина, которой сегодня повезло уже дважды, не успела ничего заподозрить. Она уже открыла рот, чтобы назвать свою фамилию, как вдруг к ним подскочила молодая девица:

- Одну минуточку! - закричала она. - У меня тоже машина!

И сунула свою карточку под нос сначала женщине с папкой, а потом – Полине.

– Накладка, – покачала головой та. – Должен быть только один. Может быть, ваша карточка с другого опроса?

– С вашего. Вон мужчина меня только что опрашивал. И велел подойти к вам оформить приз.

– Обидно, – снова покачала головой женщина. – Раз у нас два приза, придется выигрыш аннулировать. Машина только одна. Прошу вас вернуть мне карточки.

– Ага! – девица спрятала свою карточку за спину. – Сейчас я вам ее отдам, а вы по ней мою машину получите. Нет уж, дудки!

– Тогда одной из вас придется отказаться...

Девица весело расхохоталась.

– Кто же в здравом уме от машины отказывается? Правда? – обратилась она к Полине и та неуверенно кивнула.

Она не поспевала за развитием событий, но до следующей минуты все ей казалось естественным и нормальным. Однако, в следующую минуту сотрудница института научно-социологических исследований сказала:

– Хорошо, тогда вам придется ваш приз разыграть. Кто больше заплатит...

И тут Полина прозрела. Матушки-святы, да она же угодила в лапы обыкновенных уличных кидал – лохотронщиков. Про них же любой ребенок в Питере знает, а она вот вляпалась, как последняя идиотка. Правда, раньше они предлагали обыкновенные лотерейные билеты и никаких опросов не проводили. Хотя это мало что меняет...

Полина в ужасе посмотрела по сторонам, мечтая, чтобы рядом вдруг обнаружился хоть один милиционер. Тщетно. Милиции не было, зато она заметила несколько сомнительного вида молодых людей в черных очках, оттесняющих от них прохожих. Люди спешили по своим делам, отводя глаза

от случайной жертвы уличных шарлатанов, и лишь какой-то очкарик с пакетом кефира в руках, стоял у соседнего ларька и смотрел на Полину вроде бы с сочувствием...

- Я пойду, - сказала Полина решительно. - Мне никакая машина не нужна.

- Тогда я аннулирую обе карточки! - быстро сказала женщина.

- Как бы не так! - заорала девица и перерезала Полине путь к отступлению. - Ты должна участвовать...

Дальше все и вовсе стало похоже на дурной сон. Быстрым шагом мимо них шел парень в спортивном костюме и, поравнявшись с Полиной, выхватив купюру, которую она так и держала в руке. Он свернул за ларьки так быстро, что она даже глазом моргнуть не успела.

Лже-социолог и девица, словно сговорившись, потеряли к ней всякий интерес, отвернулись, заговорили о своем и направились в сторону метро.

- Верните мои деньги! - крикнула Полина им вдогонку, но двинуться с места не сумела: с двух сторон ее держали под руки те самые ребята в черных очках.

Они оттащили ее за ларьки и толкнули так, что она упала, больно шлепнувшись о землю. Юбка при этом задралась непростительно высоко. Лицо Полины сморщилось от боли. Последнее, что она увидела, это как противно усмехались ее обидчики. Она заплакала, горько всхлипывая. А потому не могла видеть дальнейшего, только почувствовала, что рядом с ней шлепнулся кто-то еще, кто-то с грязной бранью пробежал мимо, а ее вдруг оторвало от земли и понесло...

Оттерев слезы, она успела заметить, что парень в темных очках лежит на земле без движения, а ее тянет за руку тот самый сочувствующий очкарик.

- Бежим! - крикнул он ей в ухо. - Их тут человек пятнадцать. Я считал.

Они рванули сквозь толпу к домам, свернули в какой-то двор и только тогда перешли на шаг.

- Где ты живешь? - спросил очкарик. - Я провожу.

Полина резко остановилась. Это минуту назад она верила всем вокруг, теперь началась обратная реакция: все ей казались врагами.

- Не нужно меня провожать, - сказала она. - Вы собственно кто такой? Еще один...

Губы ее задрожали, а по щекам снова потекли слезы.

Молодой человек усадил ее на скамейку и протянул носовой платок. Полина взяла его, не задумываясь, и поднесла к лицу. Платок был чистым, отутюженным, хорошо пах и Полина слегка успокоилась.

- Вечно со мной какие-то приключения, - всхлипывала она.

- Ну, ну - осторожно потрепал ее по плечу молодой человек, - опасность миновала. Вам пора бы успокоиться. Пропажа денег - это еще не конец света. Как говорится - не в деньгах счастье.

- Успокоиться?! Я несколько месяцев искала работу. Сегодня наконец нашла. А завтра не смогу туда даже доехать... Это же весь мой аванс...

Горе Полины было так велико, плакала она так горько, а всхлипывала так громко, что и не заметила, как осталась на скамейке одна.

Конечно, ничего удивительного в том, что посторонний человек не стал слушать ее рыдания, не было. Удивительно было другое: на скамейке лежала газета, которую молодой человек держал в руках, а сверху на ней - единый проездной на месяц, деньги и визитная карточка.

Полина осторожно взяла визитку и прочла: «Жуков Артем Степанович. Частный детектив». И дальше - пятизначный номер телефона и код неизвестного города. Полина завертелась на скамейке, осматривая улицу, но Жукова и след простыл. Она просидела на скамейке около получаса, в ожидании, что он вернется. И лишь с наступлением сумерек отправилась домой.

В душе ее царил полная неразбериха. Пытаясь объяснить поведение неизвестного молодого человека какими-то рациональными причинами, Полина ничего не могла придумать. Иррациональное же объяснение было тут как тут, но имело слишком романтический колер, чтобы сойти за правдоподобное. Однако Полина не принадлежала к кругу девушек, способных легко принимать безвозмездные подарки от незнакомцев. Она, подавив восторженное удивление, была даже возмущена тем, что незнакомец посмел оставить ей двести рублей. (Деньги она пересчитала еще на скамейке.) А потому, вернувшись домой, Полина первым делом позвонила по телефону, указанному в визитной карточке. Сердце ее билось учащенно, хотя она уверяла себя, что звонит напрасно: часы показывали половину девятого, все офисы наверняка уже закрыты. Но трубка вдруг ответила ей ласковым женским голосом:

- Контора мэтра Жукова. Чем можем помочь?

- Здравствуйте, - оробела Полина. - Я бы хотела поговорить с Артемом Степановичем.

- К сожалению, Артем Степанович в настоящее время находится в командировке. Я могу вам помочь?

- Видите ли... - Полина не знала с чего начать. - Я звоню вам из Санкт-Петербурга. Похоже, мы с ним сегодня встречались... Он ведь в Петербурге в командировке? - испугалась вдруг она, что звонит не по адресу.

- Возможно, - уклончиво ответила девушка и, усмехнувшись, спросила уже совсем не официальным тоном: - А в чем проблема?

- Он забыл у меня... э-э-э свои вещи....

Тут Полине показалось, что девушка смеется, зажав трубку ладонью, и она твердо продолжила:

- Я бы хотела вернуть их. Не могли бы вы подсказать, как с ним связаться?

- Во-первых, - быстро ответила девушка, - Артем никогда ничего не забывает. Это просто невозможно. Я знаю его полжизни. Во-вторых, связаться с ним

возможно только через меня. Он позвонит сегодня вечером. Что ему передать?

– Передайте ему, пожалуйста, номер моего телефона, – Полина продиктовала номер и потребовала, чтобы ветренная девица его повторила. – Я хочу вернуть ему то, что он забыл.

Она бросила трубку совершенно расстроенная. Романтика выветрилась. Юное создание, с которым она говорила по телефону, скорее всего ревнивая жена товарища Жукова, раз знает его полжизни. Впрочем, какая ей разница? Главное – вернуть деньги и проездной.

Правда, если вернуть проездной, то невозможно будет добраться до Королевых. Но завтра-то – можно им воспользоваться. А потом... Ой, лучше не думать, что потом.

Ложиться спать было еще рано, а есть хотелось так, что лучше бы уж поскорее уснуть и не мучиться. На глаза ей попала газета и не зная, чем заняться, она решила почитать.

Газета оказалась скучным провинциальным изданием, пересказывающим читателям столичные новости, которые их никак не касались. Местных новостей было только две. Первая – о том, что сроки окончания строительства новой кондитерской фабрики снова отодвигаются. И вторая...

Полина склонилась над газетой и только теперь заметила, что статья испещрена маленькими значками: галочками, кружками, вопросительными знаками. Выходит именно эта статья заинтересовала частного детектива Артема Жукова...

«Вчера на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге состоялись пышные похороны нашего земляка Ивана Петровича Свешникова. Несмотря на то, что Иван Петрович покинул наш город десять лет назад и успешно занимался бизнесом в Питере, родного края он никогда не забывал. Благодаря его бесценной помощи в городе открылась новая дискотека, четыре аптеки, одна из которых – ветеринарная и фармацевтический колледж, куда конкурс этим летом составил семь человек на место.

Несмотря на то, что вдова Ивана Петровича – Маргарита Васильевна – заявила, что и впредь не откажет нам в помощи, город безмерно скорбит о своем безвременно ушедшем сыне.

Любопытно, однако, что лучший друг усопшего, директор Центрального стадиона Николай Тимошенко, уверяет, что не верит в естественную смерть Свешникова. Как мы уже сообщали ранее, Свешников скончался от удара в сауне, температура в которой была доведена до ста пятидесяти градусов. Это и настораживает Тимошенко. Сам он – большой поклонник сауны, но уверяет, что никогда не мог затащить туда лучшего друга, который терпеть не мог жары и не понимал удовольствия «исходить потом в душной комнате».

Кто знает, возможно, смерть Свешникова не такая уж и естественная. Однако, в Санкт-Петербурге, где жители давно привыкли к громким заказным убийствам – среди бела дня, в центре города, – она прошла незамеченной... Но Николай Тимошенко уверяет, что в состоянии самостоятельно восстановить справедливость...»

Глава 5

Андрей Рубахин скончался через пять лет, в начале марта. Ирочка обила все пороги, но так и не смогла добиться решения похоронить его на сколько-нибудь приличном кладбище. Литературные мостки были для Рубахина закрыты.

Дина встретила известие о смерти бывшего мужа с улыбкой. Она ждала этого дня давно. Она тщательно спланировала каждый свой шаг в этот день. И даже улыбка, с которой она встретила известие о кончине Андрея, тоже была отрепетирована.

Виктория не хотела идти на похороны.

– Там будут чужие люди... – говорила она неуверенно. – Может быть нам не стоит?

– Это наши похороны! – отрезала Дина. – Мы с твоим отцом прожили вместе двадцать лет. А Ирочка, – Дина ядовито усмехнулась, – что ж... Считай, что она по доброте душевной взяла на себя все хлопоты, связанные с погребением. Одевайся!

С этими словами Дина бросила на кровать Виктории большие пакеты и сверху положила несколько коробочек приличных размеров.

Виктория заглянула в пакеты, раскрыла коробочки и ахнула:

– Мама! Что это?! Мы ведь на похороны собираемся, а не...

Дина посмотрела на дочь так, что та осеклась.

– Ради своей матери, – отчеканила Дина. – Ты все это наденешь!

Когда к Охтинскому кладбищу подкатил новенький «порш», у ограды уже толпились репортеры.

– Мама, – Виктория была совершенно подавлена. – Я не выйду из машины.

Дина, сидевшая рядом с водителем, обернулась к ней и глаза ее горели торжеством:

– Ты выйдешь. Ты обязательно выйдешь, – в голосе звучал металл.

– Это жестоко, – тихо сказала Вика.

– Жестоко? – взгляд Дины тяжело придавил дочь. – Наверно это мне нужно было тогда умереть, правда? – спросила она вкрадчиво.

– Но, мама...

- Не смей возражать мне, - пошипела Дина. - Это мои похороны!

Репортеры защелкали фотоаппаратами, как только дверца машины открылась и вышла Виктория. На ней был легкий норковый полушубок, на матери, поверх парчового черного платья, - накидка из горносталя. В ушах у обеих переливались крупные бриллианты.

Ирочка тем временем совсем заходила от негодования. Мало того, что ей пришлось столько мучиться и с больным Андреем, который впал в детство, два дня тому назад она узнала, что никоим образом не может претендовать на зарубежные деньги ни на правах законной жены, ни на каких других. В результате каких-то там проверок и экономических санкций счет был арестован. Если бы она узнала об этом чуть раньше, то, конечно же, не стала бы оплачивать такие пышные похороны, на которые ушла чуть ли не вся наличность. И уж совершенно точно не заказала бы оркестр, опоздавший к назначенному времени на полчаса. Ирочка кусала губы, считая, что без Дины здесь не обошлось, и с тоской поглядывала на молодого мужчину, стоявшего в стороне. Его звали Вадимом.

Продолжится ли их бурный роман, когда он узнает, что она осталась на бобах? Ведь совсем недавно они собирались стать партнерами и открыть клуб «Летучая мышь». Пятьдесят на пятьдесят. А теперь она без гроша... Да еще старая тетка, выжившая из ума сестра Рубахина, все шепчет со священным ужасом, что Дина непременно явится на похороны и крестится поминутно. Какая же она дура! Не появится здесь Дина. Что ей тут делать?..

Когда оркестр, наконец, начал играть, из-за деревьев показалась толпа репортеров, Ирочка оживилась, метнула на Вадима счастливый взгляд и выпрямила спину. Сегодня ей, по крайней мере, улыбнется счастье попасть на первые полосы газет.

Две женщины по-королевски двигались в окружении толпы. Кто они? Неужели из администрации города? Может быть, жена мэра пожаловала? Ирочка

поспешила им навстречу.

Если бы ей сказали, что Вика за три года превратилась из серой мышки в потрясающую красавицу, Ира бы никогда не поверила. Слишком она знала Вику. Зажатая, молчаливая, вся в себе и вечно у матери под пятой. Такие красавицами не становятся. Поэтому она с искренним восторгом смотрела на молодую высокую блондинку в шикарных мехах. Она не узнала Вику. А вот Дину узнала, да и то, только когда поравнялась с нею. Лицо Дины было строгим и торжественным.

– И все-таки он был довольно талантлив, – снисходительно бросила она газетчице, скачущей рядом.

Сзади перешептывались:

– Только высокие души умеют прощать... Я бы не сумела проявить такое великодушие, после всего, что он сделал...

Ира едва не задохнулась то негодования. Дина по-хозяйски направлялась к разверстой могиле, царственно кивала знакомым, ошеломленно замершим вокруг, отвечала на вопросы корреспондентов. У края могилы она остановилась, театрально сложила руки на груди, опустила глаза. Все разом умолкли. Дина заговорила, и окружающие вытянули шеи, прислушиваясь.

Ирочка протиснулась сквозь толпу, встала рядом с Вадимом. Теперь он был ее единственной опорой среди роя неприязненных взглядов. Дина закончила свою речь и только тогда, обведя взглядом собравшихся, заметила, наконец, Ирочку. Вернее – демонстративно не заметила ее. Взгляд ее скользнул чуть выше и левее, задержавшись на лице Вадима. И нужно же было глупенькой Ирочке в этот момент взять его под руку...

Дина бросила в могилу горсть земли и трое сизоносых мужичков дружно заработали лопатами. Дело было сделано. Завтра о ней напишут в газетах, называя великодушной вдовой Андрея Рубахина, вспоминая историю их разрыва, ссылаясь на первый роман Виктории и тем самым поднимая рейтинг ее книг. Дина могла бы радоваться своей мести, но молодой мужчина, лет тридцати, которого Ирочка держала под руку, был некоторым препятствием.

Высокомерие и абсолютная уверенность в себе, деньги и власть – вот что она прочла в его лице. Иронично, пока этот человек будет рядом с нею, все эскапады Дины безразличны. Как она на него смотрит! Похоже, здесь пахнет любовью...

Собравшись уходить, она снова украдкой взглянула на молодого человека и чуть не рассмеялась: тот не сводил глаз с Виктории...

Шествуя мимо побежденной соперницы, безутешная вдова была так рассеяна, что обронила носовой платок, и не заметила этого. Через минуту ее нагнал молодой человек и вернул платок, а вместе с ним протянул свою визитную карточку...

В тот день, после похорон, мать и дочь почти не разговаривали. Дина теребила злополучный платок и разглядывала визитку. Душу раздирали противоположные чувства. Одно из них требовало мщения – любой ценой, немедленно. И для него все средства были хороши. Пусть даже таким средством будет хоть родная дочь... Другое чувство кричало об опасности. Проснулся самый древний женский инстинкт – чувствовать опасного мужчину на расстоянии.

Но месть требует смелости, и Дина решила рискнуть...

Глава 6

Вернувшись с кладбища, Вика чувствовала себя разбитой и выпотрошенной. Спектакль, устроенный матерью лишил ее сил. Она попыталась сесть за работу, но вместо этого бессмысленно смотрела в светящийся монитор. Щелкнула пару раз клавишами и из колонок полилась тягучая мелодия Garbage. Что там она поет: «Я жду тебя...»?

Вика всегда боготворила отца. Он вряд ли знал об этом, потому что редко замечал дочь, а Вика была не из тех детей, которые требуют внимания. Она

говорила мало и от волнения – нескладно, поэтому никому из родителей не приходило в голову, что девочка развита не по годам и с легкостью излагает свои мысли на бумаге, когда остается одна. Несмотря на то, что с детства Вика зачитывалась книгами отца, знала наизусть целые страницы, в начальной школе она не могла выдумать даже короткого рассказа из пяти строк. «Я была на даче. Там было красиво...» Она плакала от собственной глупости. Переполненное детское сердечко не умело излиться на бумагу. Двери были закрыты.

Вика совершенно точно помнила, как для нее открылись эти двери, и кто их ей отворил. Ей тогда исполнилось десять, и дома были гости. А она сидела у себя в комнате за столом и кусала ногти. В школе задали сочинение о прошедших каникулах, и Вика вывела на листе: «Этим летом мы снова были на даче. Там было...» Она порвала лист, положила перед собой чистый и впала в ступор. Тогда-то к ней и вошла Незнакомка.

Кто из гостей привел ее, и почему ей взбрело в голову взглянуть на хозяйскую дочку, Вика не знала. Незнакомка полистала Викины тетрадки и снисходительно спросила:

– Не клеится?

Вика покачала головой.

– Математика?

– Нет. Сочинение про лето.

– Закрой глаза, – приказала женщина и Вика послушалась. – Сейчас ты увидишь то, что произвело на тебя этим летом самое большое впечатление. Ну, видишь?

Вика открыла глаза, смущенно кивнула.

– Так что это было? – игриво спросила женщина. – Котенок? Новая подружка?

– Дерево, – пожала плечами Вика.

– Обыкновенное дерево? – собеседница не сумела скрыть разочарования.

Вика беспомощно помахала в воздухе руками, будто пыталась оттуда набрать не хватающих слов.

– У него ветки были как руки, которые тянутся к тебе, просят о чем-то... Листья выцветшие. Солнце падало так, что были видны капли на листьях – матовые, тяжелые. Оно было словно в испарине... И похоже на старую женщину. Это ведь очень страшно, когда женщина старая, правда?

– Правда, – медленно ответила Незнакомка, – но с годами к этому привыкаешь. Вот и напиши все, что мне рассказала...

С тех пор сочинения Вика писала только на отлично. Но отец никогда не читал их...

Развод родителей стал для нее как взрыв.

Как сотня взрывов, которые гремели каждое утро, как только она открывала глаза. Оглушенная ими, Вика двигалась как робот. По три раза в день возила матери еду в больницу, добрую половину своих вещей снесла в комиссионный. Ей было не с кем ни поговорить, ни посоветоваться. Развод представлялся ей как вегетативный процесс: будто разделили единый живой организм на две части и каждая теперь пытается выжить самостоятельно, обливаясь кровью, заново учась двигаться, дышать, питаться. Каждая корчится в агонии, и уж точно каждая потеряла от боли не только ум, но и сознание.

Вике было не с кем поговорить, потому что единственная ее подруга – Ирочка – осталась где-то там, в другой половине разделенного заживо организма. Да и кому расскажешь, что творится в душе, о взрывах, будивших ее каждое утро вместо будильника? Она доверяла лишь бумаге, изливая боль своего сердца, безумные фантазии, от которых не могла освободиться, непролитые слезы...

Потом вернулась мать из больницы, и жизнь снова обрела русло. Но русло это теперь было слишком жестким и определенным. Свободная река течет не так,

как вода в канале с бетонированными высокими стенами – ни на йоту не уклоняясь ни вправо, ни влево. Только вперед.

Пока издательство готовило к публикации ее первый роман, Вика написала второй и третий. Они дались ей легко, так легко, что она стала думать об отце: насколько они с ним похожи?

Она походила на отца лицом и манерами, у нее были те же привычки и склонности. Так неужели и все остальное?..

– Откуда ваша дочь столько знает о любви? – спросили как-то Дину на одном интервью. – У нее богатый опыт?

– Для этого не нужен опыт, – отрезала мать. – Достаточно воображения.

Дина насторожилась. Она слишком была занята мезтью, чтобы всерьез задуматься о дочери. Кто эта тихая девочка, так легко заставляющая женщин плакать? Всего каких-то несколько лет назад она действительно была серой мышкой, а теперь... Теперь пожалуй, она стала красавицей, да к тому же так похожа на отца.

Дина попыталась поговорить с дочерью:

– Я хотела спросить. Может быть это некстати... Тебе уже двадцать три...

Дочь смотрела сквозь нее и Дина никак не могла подобрать нужных слов.

– Мама, я не люблю мужчин, если ты об этом.

– В каком смысле? – перепугалась Дина.

– Не в том – усмехнулась Виктория. – И этот разговор действительно некстати. Я работаю.

«Однако как быстро она поняла меня», – подумала Дина, закрывая дверь в комнату дочери.

Пройдет год или два, рассуждала она, появится какой-нибудь вертопрах и вскружит дочери голову. Тогда ее снова бросят. На этот раз – дочь. В висках застучало, Дина обхватила ладонями лицо.

Этого нельзя допустить! Права на первый роман Вики принадлежали ей. Второй и последующие договора она тоже подписала на себя, объяснив Виктории, что тем самым снимает с нее ненужные хлопоты посещения налоговой инспекции и прочие формальности. Новую квартиру Дина тоже записала на свое имя. Вика не возражала. Даже не поинтересовалась ни разу...

Когда Вике исполнилось двадцать четыре, она случайно на улице встретила школьную подругу Милу Семинову и затащила к себе, чтобы познакомиться с мамой. С тех пор у них с Милой завязалась дружба. Правда, сама Мила больше к Рубахиным не заглядывала, что Виктория объясняла ее крайней застенчивостью, а вот Вика навещала ее почти каждую неделю, по субботам...

«Милочкины субботы»... Виктория рассказывала о них маме подробно, если та интересовалась. Гуляли по городу, смотрели телевизор, были в салоне красоты. И непременно – милые подробности: массажистка попала на редкость болтливая, в течение получаса успела пересказать всю свою биографию...

«Вика! Это так занятно! Не хочешь использовать это в своем следующем романе?»

«Разумеется, мамочка...»

Конечно, она использует это, потому что сама придумала. Потому что не было никакого салона и никакой болтливой массажистки тоже не было. Да и Милочка Семина сто лет уже как укатила в Тмутаракань за мужем прапорщиком. На следующий же день укатила, после их встречи. Может быть, даже письма пишет своей известной однокласснице. Только письма приходят на старую квартиру, а мама, когда переезжали, велела их почту уничтожить: столько развелось поклонниц у Виктории...

По субботам Вика выходит на улицу, находит укромное местечко и превращается в другую девушку. Это так просто, было бы желание. Хороший парик, цветные линзы. И вот уже тоненькая брюнетка с большими карими глазами танцует в каком-нибудь ночном клубе. Она совсем не прочь познакомиться с бесшабашным коллекционером легких побед... Да, она похожа на отца. Во всем. «Милочкины субботы» нужны ей как воздух.

Она не ищет большой любви. Она знает, большая любовь – ее собственное изобретение. Таковой на свете не случается.

Она знает, мужчина – существо ненадежное. И те муки, когда заживо делится целое надвое – не для нее. Мужчина ей нужен лишь на ночь. С субботы на воскресенье. А в воскресенье, лишившись сил физических, но напитавшись силами сатанинскими, она вернется домой окрыленная и засядет за работу, которая единственная и составляет суть ее жизни. В любви смысла нет, но она придумает его для других женщин, уж коли его нет в природе, она заставит их поверить в большую любовь. И кто знает, может быть одна из них ее и встретит когда-нибудь. Ведь каждое правило предполагает исключение...

Прошло около месяца после похорон когда, вернувшись из издательства, Вика услышала на кухне голоса. Дина совсем недавно завела с Викой разговор о том, что деньги непременно куда-то нужно вкладывать и посетовала, что нет рядом «дельного» человека, способного дать разумный совет. Судя по всему, теперь она такого человека нашла. Виктории вовсе не хотелось участвовать в коммерческих проектах матери. Она заглянула на кухню, чтобы поздороваться. Это был тот самый молодой человек, которого она видела на похоронах рядом с Ирочкой. Тогда он, кажется, позабыл, где находится, потому что не сводил с Вики глаз. Даже когда Ирочка уцепилась за его рукав и что-то быстро стала говорить ему на ухо, он, должно быть, не слышал. Вика помнила, что он подал матери платок, и еще помнила, что взгляд у него тяжелый и от этого взгляда мурашки ползут по коже. Собственно как и сейчас...

– Познакомься Виктория, это Вадим.

Она поспешно кивнула, приготовившись сбежать. Но Вадим уже стоял рядом, целовал руку, а потом, не отпуская руки, говорил о ее романах, пересказывал прочитанные рецензии и вел ее за собой к столу. Он усадил ее и, не давая Дине открыть рта, вкратце пересказал суть разговора.

Вика не слушала. Прозрачный лед чужих глаз вел с нею совсем другой разговор. Она задумчиво кивала. Да не тем предложениям, которые делал Вадим вслух. Другим, молчаливо просачивающимся в каждую клеточку ее тела.

Наконец вмешалась Дина, предложив поужинать. На столе возникла бутылка красного вина, крабовый салат, красиво упакованные закуски. Одного взгляда на мать Вике хватило, чтобы оценить насколько дорог ей этот гость. И понять – почему дорог...

«Ах, мама, мама! Почему бы тебе не успокоиться со своей мезтью? – думала Вика. – Ты сама виновата... Теперь не плачь!»

С этой минуты Виктория пропала...

Глава 7

Вадим вошел в их жизнь навсегда. Тогда они еще не поняли этого. Он явился снова, и увез мать и дочь в свой клуб, чтобы провести небольшую экскурсию. Дине предстояло решить, стоит ли вкладывать деньги в начинание молодого человека.

«Летучая мышь» – вывеска не была яркой и привлекательной. Дина пожалала плечами, бросив, походя, несколько слов о дурном вкусе дизайнера. Виктория шла вслед за матерью, предчувствуя, что сегодняшней день будет богат на сюрпризы...

Помещение бара было небольшим и очень уютным

По стенам висели странные знаки, отдаленно напоминающие иероглифы. Рисунки перемежались с драпировками серого шелка. Рабочие устанавливали мраморную стойку, причудливой формы. Внимательно изучив стены, Дина спросила:

– Ничего не понимаю. Вы говорили шестьсот метров, – она сверилась с планом. – А здесь...

Вадим смотрел на нее, улыбаясь, и не спешил прийти на помощь.

- Наверно здесь есть еще и другие помещения? - несколько раздраженно спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bogatyreva_elena/ispytanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)